

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ
Тихоокеанский контур

ПРЕДЕЛ СИГНАЛА

Книга 4

Виктор Алеветдинов
Тихоокеанский контур.
Книга 4: Предел сигнала
Серия «Тихоокеанский контур», книга 4

*<https://litres.ru/73857106>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После «Солнечного регистра» человечество получает шанс связать Землю, Луну, Марс и дальние узлы Солнечной системы единой сетью. Но у новой эпохи связи есть опасный предел: самый быстрый сигнал всё чаще оказывается не самым истинным.

Инженер Арина Ветрова принимает проект, где на кону не скорость передачи, а право правды быть услышанной. Её команда собирает гибридную систему: лазерную магистраль, нейтринный witness-канал и распределённый журнал HELIO-WORM, способный отличить реальное событие от безупречно красивой подмены.

Оптика слепнет в солнечной геометрии, криоконтур уходит в перегруз, прошивка ведёт себя слишком удобно, а противники требуют убрать «лишние» проверки ради эффектного результата. Чтобы запустить первый внешний узел «Барьер-1», инженерам придётся доказать: будущее строят не те, кто отвечает быстрее, а те, кто умеет не потерять истину на расстоянии.

Содержание

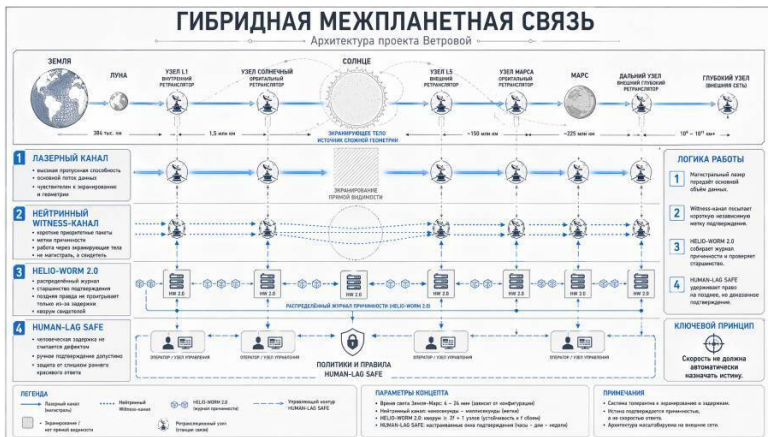
Пролог	4
Глава 1. После регистра	8
Глава 2. Сектор перспективных технологий	25
Глава 3. Подземный счётчик	48
Глава 4. Архитектура ложного нуля	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Тихоокеанский контур.

Книга 4: Предел сигнала

Пролог

После регистра сеть вошла в пониженный режим. Прямой эфир освободился от аварийных импульсов, служебные приоритеты вернулись к штатным окнам, дежурные контуры снова стали предсказуемыми. Но штатность не восстановила критерии доверия: любой сигнал без видимой цены среды теперь требовал отдельной верификации.

Внешний ретрансляционный узел на марсианском плече работал в ночной конфигурации. Основная оптика была сужена до минимального сектора; полуметровое зеркало из монокристаллического алюминия стояло в расчётном угле с поправкой на тепловой дрейф. Фотонные кристаллы приёмного тракта удерживались у нижнего порога шума. По силовой шине шёл расчётный ток, криоконтур работал в экономичном режиме. Никакой аварийной телеметрии и никаких аппаратных отклонений.

Инженер смены ещё раз просмотрела журнал окна — уже по инерции, сквозь утомление, которое не снимали ни стимулятор, ни холод аппаратного бокса. Геометрия оставалась неблагоприятной: солнечный край ещё не вышел из зоны засветки, и приём должен был дать деградированный вход — с хвостом, фазовым разнесом и потерей идеальности на краю окна. Для такой конфигурации это считалось нормой.

Пакет пришёл на восемьсот миллисекунд раньше нижней границы расчёта.

Сначала сработал рефлекс. Она проверила опорник времени, сверила привязку по внутреннему генератору, прогнала журнал старшинства. Опорник был в допуске. Внутренние часы не дрогнули. Трассировка до приёмного стекла сходилась. Контрольная линия на FPGA не показывала ни одного сбоя. Пакет отображался на экране с неестественно чистым профилем: почти без хвоста и почти без признаков влияния

среды.

Система сделала то, для чего её и настраивали все прошлые годы. Подняла ранний низкошумный вход на верх стека и назначила ему старшинство.

Инженер не потянулась к подтверждению. Сначала рассмотрела профиль до конца. В спектре не хватало стохастического фона. Во временной маске — случайной шероховатости. Профиль соответствовал заранее нормализованному тракту: в нём уже сняли шум, дрейф и саму цену межпланетной дистанции.

Через девять целых и три десятых секунды в журнал вошёл второй след. Поздний, зашумлённый, с разрывом по фронту и тяжёлой россыпью на правом плече. Такой пакет обычно уходит в низкий приоритет. Но этот профиль хотя бы не противоречил геометрии окна, засветке и естественной деградации в среде.

Она сняла автоматическое подтверждение вручную и перевела контур на служебную задержку. Не в аварийный режим — его пришлось бы отдельно обосновывать, — а в операторскую паузу, которую хорошая сеть считает нежелательной, но допустимой. За тонкой стенкой аппаратного бокса продолжали работать насосы криоконтура. На сервисной панели медленно обновлялась температура радиаторов. В стойке питания щёлкнуло реле перераспределения нагрузки. Узел работал штатно по регламенту, версия аппаратного отказа не подтверждалась.

Инженер свела оба профиля на один экран. Ранний пакет был безупречен до абсурда. Поздний — ослаблен, но физически объясним. Между ними лежало не просто расхождение в качестве. Это больше не сводилось к глушению или взлому в лоб. Угроза была другого уровня: ложь формировали с учётом самой архитектуры доверия, так, чтобы протокол пропускал её без внутреннего конфликта.

Инженер выгрузила полную трассировку, добавила сырые логи фотонного тракта, журнал локального старшинства и короткую пометку без интерпретаций. Только наблюдаемые факты: ранний вход физически избыточно гладок для данной геометрии; поздний вход ниже по качеству, но согласован со средой; действующий порядок доверия выбирает более раннее, а не более доказанное.

Пакет ушёл в закрытый контур Земли до конца смены.

За пределами поста была марсианская ночь. Среда не выдавала ни конфликта, ни чужого воздействия, ни той архитектуры, ради которой всё запускалось. Только редкие огни технической линии и оптическая трасса, которая в эту минуту выглядела менее надёжной, чем любой пассивный материал.

На служебном экране Земли появилась запись: «Ранний кандидат — без старшинства. Поздний пакет — на независимую проверку». Инженер сменила статус окна на спорный и передала пост следующей смене.

Глава 1. После регистра

Коридор уже вывели из боевого контура, но до штатной конфигурации его ещё не довели. Под перекрытием оставались временные кабельные трассы. На одной висела бумажная бирка с красным штампом: маршрут сохранён по внешнему контуру, возврат шины в стеновой канал не выполнен. Напольное покрытие меняли недавно: четыре плиты слева отличались по тону, крепёж на них ещё не закрыли. Под старым гербом на стене тянулась свежая служебная маркировка, ниже светлел круг от демонтированной камеры. После регистра здесь сначала восстановили связность и рабочий контур, а до нормального вида дошли только потом.

Арина шла медленнее обычного. Последние сутки отзывались задержкой: мышцы ещё помнили усилие, глаза — пересвет экранов, а в затылке держался гул долгой смены у силовой шины. Боевой сектор справа больше не гнал маршруты с прежней плотностью; автоматика перестала догонять каждый импульс, и между двумя состояниями системы возникла пауза.

Из бокового прохода вышли двое техников послесменного контура: один нёс кассету с оптическим патч-кордом, второй — короб аварийных перемычек. Они узнали Ветрову и прошли мимо. После таких недель никто не тратил ресурс на ритуал.

На запястье сработал внутренний вызов. Служебный приоритет, только код маршрута. Арина остановилась у аварийной панели и приняла соединение.

— Ветрова?

— Да.

— Подтверждаю перевод. Сектор перспективных программ. Комната доступа уже открыта.

Голос дежурного связиста был знаком.

— Ошибка маршрута?

— Нет.

— Разбор?

— Нет.

— Наградной протокол?

— Нет. Это не про прошлый узел.

Она остановила взгляд на круге от демонтированной камеры.

— Кто вызывает?

— Узкий совет. Громыко, Контур, Лукина. Остальные подтянутся по ходу.

— Формулировка?

— Передать дословно?

— Да.

Связист выдохнул в сторону, будто сам проверял устойчивость линии.

— Вопрос не о том, как вы провели прошлое подтверждение через перегрузку. Вопрос о том, чем это нельзя удержи-

вать дальше.

Связь оборвалась. Коридор не изменился: белые панели, внешние мостики, матовый пол, следы срочной перекладки.

Она свернула в административный переход. Здесь филътрация работала жёстче, стены были чище, но и тут ещё не успели убратъся. У пола тянулся сервисный канал под временным керамическим кожухом, у дверного модуля стояла стойка локального питания.

Первый пост пропустил по отпечатку ладони. Второй потребовал сетчатку и голос. Дверь закрылась за спиной. Лифт медленно шёл всего на два уровня вниз. На боковой стенке всё ещё висела старая схема эвакуации с кодами помещений, которых больше не было. После регистра объект продолжал думать прежним языком. Для такого комплекса это был не дефект оформления, а риск.

В предзале её ждал тот самый связист — без кителя, в рабочей куртке, с вдавленным следом от гарнитуры на воротнике.

— Там уже начали?

— Нет. Ждут вас.

— Плохой признак.

— Да.

Арина кивнула на планшет в его руках.

— Что успел понять?

— История не локальная. Маршрут согласования прошёл перспективные программы и производство, а нормативный

блок подключили с самого начала.

— Зачем туда вообще подключили нормативку?

— Так делают, когда меняют не отдельное изделие, а рабочую норму.

Теперь масштаб сложился окончательно. Если на входе в задачу уже присутствуют производство и нормотворцы, значит, обсуждать будут не частный обход и не лабораторный узел. В верхнем контуре решили менять рабочую норму.

Связист приложил палец к панели двери.

— Они уже работают не по прошлому конфликту, — сказал он. — По маршрутам видно: система вышла на масштаб, где старых решений больше недостаточно.

Дверь ушла в стену.

Зал перспективных программ оказался обычным рабочим помещением, без официальной строгости: матовые стены, два вертикальных экрана, широкая панель данных в столе. Освещение настроили для чтения схем, а не для уюта. Громыко сидел у дальнего края, Контур — правее, в тени панели. Лукина стояла у экрана и смотрела нагрузочные пределы на развёрнутой схеме. Ещё трое из узкого совета сели по бокам. Никто не здоровался.

— Садитесь, — сказал Громыко.

Арина сначала посмотрела на левый экран. Там висела схема дальнего плеча: несколько трасс, временные отметки, два пакета. Один приходил рано, с идеальной сходимостью и нулевым хвостом. Второй — позже, со следом помех

и плавающим профилем доверия. Между ними проходил слой журналов подтверждения. Внизу шла полоса HELIO-WORM. Рядом горела метка: подтверждение пришло после принятого решения.

Она села.

— Начинаяте.

Громыко сцепил пальцы.

— После регистра у нас две новости. Первая вам известна: мы умеем отбивать ложное старшинство ценой перегруза, ручной сборки подтверждения и предельного внимания людей. Вторая проблемнее: на следующем масштабе это не работает.

Контур сменил схему. На экране выстроилась цепочка: Земля, Луна, Марс, внешний ретранслятор, дальний узел. Между ними шли оптические коридоры, линии журнала причинности и слепые зоны.

— В прошлом цикле, — сказал он, — мы воевали внутри ограниченной сцепки узлов. Это ещё можно было удерживать в голове. На межпланетном плече противнику не нужно быть сильнее. Ему достаточно прийти первым в форме, удобной для автоматики.

На схеме вспыхнул ранний пакет.

Под белой линией появились приоритеты и окна уязвимости. По старому регламенту маршрутизатор отдал бы решение первому пакету ещё до независимой проверки. Ошибка находилась не в участке трассы, а в самом порядке старшин-

ства.

— Такой профиль выигрывает отчёт, управление и маршрутизатор, — продолжил Контур. — Он приходит раньше, выглядит лучше, требует меньше вычислительного ресурса и не просит ждать.

— И получает старшинство, — сказала Арина.

— Да.

Лукина отвернулась от экрана.

— Дальний контур у нас настроен так. Что пришло раньше и лучше сходится, то становится первым основанием решения. Остальное система трактует как догоняющую проверку или помеху.

Громыко поднял слой журнала.

— HELIO-WORM уже умеет догонять событие и показывать, что ранний пакет был ложным. Но пока это работает не как нормальное свойство системы, а как аварийная дотройка. Если журнал входит после акта решения, система получает не своевременную истину, а лишь последующее доказательство собственной ошибки.

— Поздняя правда остаётся правдой, но перестаёт быть операционной, — сказала Арина.

— Именно.

Он перевёл взгляд на неё.

— Мы больше не можем держать оборону на каждом узле отдельно. Не можем каждый раз вручную восстанавливать подтверждение. И следующий противник, скорее всего, не

станет ломать систему грубо. Он предложит более быстрый, дешёвый и удобный вариант. Опасность в том, что такие решения разрушают доказуемость потому, что выглядят нормальными и удобными для работы.

В комнате изменилось распределение внимания. Арина снова посмотрела на схему. Ранний пакет. Запоздалое подтверждение. Журнал, не успевающий стать нормой. Та же болезнь, но уже на масштабе всей сети.

— Что вы хотите?

— Мы хотим перестать догонять ложь, — ответил Контур.
— Мы хотим перестроить саму среду связи так, чтобы скорость больше не получала автоматического права на истину.

Фраза легла на стол как формулировка ТЗ.

— Тогда нам нужен не новый передающий узел и не усиленная версия старого журнала, — сказала Арина. — Нам нужна другая архитектура.

— Да, — сказал Громыко. — И достаточно быстро.

— С какой физикой?

На правом экране развернулся черновой набор слоёв: оптический магистральный ствол, журнал причинности, кворум независимых свидетелей и отдельный блок короткого физически независимого подтверждения.

— Кто рисовал нижний слой? — спросила Арина.

— Пока никто не довёл, — сказала Лукина. — Только спорили.

— Нам нужен канал, который не делит уязвимость маги-

страли, — добавил Контур. — Не зависит от той же геометрии, не слепнет вместе с оптикой и не обязан нести массив данных. Ему достаточно короткой причинностной метки.

— Нейтрино, — сказала Арина. — Но только как witness, не как магистраль.

— Именно, — ответил Контур.

Лукина листнула следующий блок.

— Не сверхсветовая схема и не магистраль под массовую передачу. Это отдельный канал подтверждения: мало-полосный, энергетически дорогой, но сохраняющий работоспособность там, где оптический канал упирается в тело планеты или Солнца.

— Это будет работать только в связке с новым журналом, новым приоритетом и режимом HUMAN-LAG SAFE, который должен стать частью реальной эксплуатации, — сказала Арина. — Иначе мы просто повесим необычный прибор на старую неисправность.

— Поэтому вы здесь, — сказал Громыко.

Он вывел таблицу по сбоям на дальних плечах. Для каждого случая было видно, когда пришёл первый пакет и откуда он был на самом деле. Отдельно отмечалось, когда пришло позднее подтверждение, к чему успело привести решение и можно ли было что-то исправить потом. Смысл был один: система нередко узнаёт правду слишком поздно — уже после того, как успевает сработать по ошибке.

— Это касается не только нас? — спросила Арина.

— Не только. Чем дальше связь и чем опаснее задержка, тем больше соблазн поверить первому пришедшему сигналу.

— Значит, такое решение будут считать полезным.

— Да.

— Потому что оно быстрее и дешевле, а на испытаниях выглядит лучше. Но на большой дальности оно ломает всю логику подтверждения.

— Да.

Лукина сложила руки на груди.

— Это удобно не одному управлению. Это удобно энергетике, логистике, сервису, всем, кто не любит лишний witness-контур. До первой аварии всем кажется, что можно жить без него.

На экране собралась грубая архитектура будущей системы: лазерный магистральный канал, независимый witness-слой, HELIO-WORM нового поколения, MASS-WITNESS, SUN-ANCHOR и отдельный блок HUMAN-LAG SAFE.

На эту метку Арина смотрела дольше, чем на остальные блоки.

— Кто добавил?

— Я, — сказала Лукина.

— Верно.

— Не из этики, а из эксплуатации, — сказала Лукина. — Если система наказывает человека за задержку, которую создаёт сама среда, она всегда вырождается в автоматический ответ. Тогда весь witness-контур становится декоративным.

Громыко кивнул.

— Разногласий, по сути, нет. Теперь нужен не разговор о будущем, а проект.

— Насколько формально?

— Настолько, чтобы открыть программу.

— Насколько быстро?

— Быстрее, чем вам понравится.

— Насколько широко?

— Межпланетный горизонт. Не обходной узел и не временная схема.

Арина связала в уме оптику с журналом, затем добавила приводы, криоконтуры и энергетику. Следом в расчёт вошли серийность, сервис и окно вывода. Масштаб задачи не оставлял места мгновенному отказу.

— Кто в ядре?

— Ника — да. Тимур — да. Лукина — уже здесь. Математика будет. Теория будет. Механика наведения будет. Производство — с первого дня.

— Значит, проект собираются душить вопросами о допуске, ремонте и цене линии прямо на старте.

— Именно, — сказал Громыко.

— И это правильно.

— И опасно, — добавил Контур. — Такие вещи чаще ломают не диверсией, а ранним согласием на удобную форму.

— Конкурирующая линия уже есть?

— Есть соблазн линии, — сказал Контур. — Быстрая чи-

сто лазерная схема. Без witness-слоя и без права на человеческую задержку. Для пилота выглядит выигрышно.

— Тогда фронтов минимум два.

Громыко отключил схему.

— Формально мы предлагаем вам возглавить разработку новой межпланетной архитектуры связи.

Арина помолчала.

— В каком статусе?

— Руководитель программы по архитектуре доверия и связности дальних плеч.

— Уже по названию видно, что в него можно спрятать упрощения. Рамку надо зафиксировать до моего согласия, а не после.

Лукина чуть повернула голову.

Громыко вывел из зала лишних. Остались он, Лукина, двое новых и Арина. Первый — сухой мужчина лет пятидесяти, с руками человека линии. Второй — моложе, с аккуратностью того типа управленцев, которые умеют убивать сильную идею календарём.

— Серийный блок и управление программами, — сказал Громыко. — Разговор дальше будет неприятный.

Производственник заговорил первым:

— Всё, что не проходит повторяемость, ремонт и приёмку, для меня не изделие.

Человек из программ добавил:

— Всё, что нельзя показать в срок на понятном уровне

зрелости, для меня не программа.

— Тогда можно говорить, — сказала Арина.

На панели сначала появились сроки первого решения и нулевой партии. Ниже легли окна полевых испытаний и внешнего вывода. Последними добавили бюджеты, предел уникальных узлов и требование к обслуживанию. Арина отметила, где календарь начнёт давить на архитектуру.

Она просмотрела строки и увидела главное.

— Вы не хотите прототип.

— Нет, — сказал производственник. — Нам нужен маршрут к серии с первого дня.

— Это другая философия. Исследовательский прибор держится на уникальном узле, ручной юстировке и памяти конкретной смены. Серийная система живёт на допуске, сменном модуле, понятной диагностике и ремонте на рабочем узле.

— Поэтому вы нам и нужны, — сказал он.

— Тогда вы просите не изделие, а будущую норму отрасли.

— Да.

Человек из программ развернул календарный слой.

— У нас шесть недель на первый этап. За это время нужно доказать, что схема работает, наметить путь для нулевой партии и выявить риски для серии. Потом окно закроется. Если не уложимся, следующий шанс будет почти через год.

Шесть недель на первый кусок реальной системы.

— Значит, проект уже привязан к орбитальным окнам, политике и демонстрации, — сказала Арина.

— Да.

— Конфигурация неприятная.

— Не спорю.

Производственник перевёл экран на другую колонку и опустил ниже — к модульной базе и обслуживанию.

— Уникальный узел я ещё могу принять на первом стенде, — сказал он. — Но как только вы называете это системой, для меня всё меняется: нужен стандартный модуль, доступный ремкомплект, возможность повторной юстировки без автора конструкции и статистика отказов по всей партии, а не по одному образцу.

— Зеркало должно выпускаться серией с понятным разбросом параметров. Привод — нормально переносить транспортировку, вибрацию и повторную юстировку. Криомодуль — иметь понятный контроль, маршрут ремонта и предел деградации.

— И контур подтверждения тоже, — сказала Арина. — Если архитектура доверия работает только в руках её создателя, в серию она не пойдёт.

— Верно.

Лукина вмешалась:

— И не забудьте ресурсный бюджет. Слишком многие рисуют систему, где лазер, холод, witness и журнал всегда живут на максимуме. На рабочей шине это проживёт минуты.

— Значит, режимы придётся фазировать, — сказала Арина.

— Значит, придётся считать систему как систему, — ответила Лукина.

Громыко подвёл итог:

— Тут не хватит ни одной науки, ни одной инженерии, ни одного приказа сверху. Нужно сразу собрать всё в одну систему и не дать проекту с самого начала пойти по ложному, но удобному пути.

Арина смотрела на ограничения. Шесть недель. Нулевая партия. Сервис. Повторяемость. Живучесть в поле. Всё было сформулировано жёстко и без льгот.

— Мне нужна свобода собрать ядро по требованиям архитектуры, а не по линии согласования, — сказала она.

— В пределах программы, — начал управленец.

— Нет. Сначала архитектура. Иначе вы получите не решение, а форму отчёта.

Громыко остановил спор жестом.

— Что ещё?

— Прямой доступ к производству: в бокс, в линию, в реальные ограничения механообработки, чистых зон, оптики, силовых шин и сервисных окон. Я не буду рисовать систему, не понимая, как она распадается при двадцатой повторной сборке.

— Это дадим, — сказал производственник.

— Нужен человек от линии внутри ядра, не на приёмке.

— Будет.

— И человек от программ, который не прячет реальные окна до последней минуты.

— Это зависит от допуска, — сказал управленец.

— Это зависит от того, вам нужна система или презентация.

Ответить он не успел.

— Будет, — сказал Громыко.

Арина кивнула.

— И ещё. Если параллельно растят чисто лазерную альтернативу, я хочу видеть это сразу. Не в момент, когда мою архитектуру начнут объявлять избыточной на фоне уже готовой красивой цифры.

— Альтернативы будут, — сказал Громыко. — И внутренняя борьба будет.

На правом экране висела строка: решение должно быть пригодно к развёртыванию по Солнечной системе, а не только в демонстрационной среде.

Систему недостаточно один раз заставить работать. Её нужно сделать повторяемой: пригодной для серии, ремонта и повседневной эксплуатации, где правильный результат обеспечивает не подвиг людей, а устройство самой системы.

— Если я это беру, — сказала Арина, — значит, речь не о разовом образце. Значит, мне придётся задать правило для людей, которые придут после нас.

— Да, — сказал Громыко. — И достаточно быстро.

— И, если мы ошибёмся в архитектуре, ошибка уйдёт в серию.

— Да.

— Тогда локальная диверсия будет слабее нашей собственной нормы.

— Да.

Лукина опёрлась ладонью на стол.

— Вот о чём на самом деле надо говорить. Не о том, работает система или нет, а о том, какую ошибку потом тихо узаконят как стандарт.

В памяти у Арины всплыл коридор наверху: снятая камера, временные мостики, следы спешной связности после прежней войны. Тогда они догоняли угрозу. Здесь требовалось сделать так, чтобы следующая ложь не получала права стать рабочей только потому, что пришла раньше и лучше легла в процедуру.

Она подняла взгляд.

— Я беру проект.

Никто не ответил сразу. Так и должно было быть. Такие решения сначала оседают как дополнительная масса, а уже потом переходят в календарь, людей, цех, приводы, крио, спор о допуске и первые аварии.

— Тогда программа открыта, — сказал Громыко.

Управленец начал отмечать шаги. Производственник продолжал смотреть на Ветрову.

— Вам придётся быстро забыть привычку к уникальному

стенду.

— А вам — привычку считать, что серийность начинается после идеи.

Он кивнул. Это было первым рабочим соглашением.

Лукина подняла планшет.

— Когда собираем ядро?

— Сегодня. Ника и Тимур — сразу. Математика, теория, механика — тоже. Если скорость больше не должна получать автоматическое право на истину, спор нужно открывать с первой доски.

Совещание закрыли. У двери Громыко сказал вполголоса:

— После регистра многим кажется, что мы выиграли время.

— Нет, — ответила Арина. — Мы купили право на следующую работу.

— Согласен.

— И ещё. Не называйте это программой связи.

— А как?

— Это программа против ложного старшинства.

Она вышла в коридор с другой нагрузкой. Инфраструктура наверху оставалась той же: белый свет, временные мостики, следы мира, который ещё не успел войти в новый режим. Но теперь у этой усталой системы появился следующий масштаб. На запястье уже открылся первый маршрут допуска к производственной линии.

Глава 2. Сектор перспективных технологий

Сектор не относился к боевому крылу. Это считывалось сразу: ни временных кабельных мостов, ни аварийных вставок, ни панелей с торопливой заменой. Воздух был сухим, с примесью пластика, озона и металла после мехобработки. Здесь делали не времянку. Здесь собирали то, что потом попробуют объявить нормой.

Дежурный довёл Ветрову до прозрачной перегородки и отошёл. За стеклом проектный зал амфитеатром понижался к центральной панели. Вдоль стены стояли рабочие макеты: взгляд сначала цеплялся за оптическую голову на кинематической раме, затем переходил к разрезу ретранслятора и силовой шине под прозрачным кожухом. У дальней секции стенд наведения держал модель внешнего узла с раскрытым радиатором и полуметровым зеркалом. На стене медленно смещались орбитальные плечи Земли, Луны, Марса и пояса.

Все были заняты делом. У прозрачной доски Прохоров двигал окно с матрицей задержек; веса, штрафы и приоритеты менялись прямо на ходу. Его формулы не украшали схему, а отсекали лишнее. Бах сидел отдельно перед схемой уровней подтверждения; рядом лежал планшет с шестью пунктами — похоже, в них и помещался весь его ком-

ментарий к происходящему. Кольцова стояла над вскрытым приводом наведения: планетарный редуктор, узел преднатяга, токосъём, кабельная петля, шарнир развязки. Она искала люфт, а не виноватых. Ника вела оптический тракт: пятно луча выходило из допуска, возвращалось и снова распадалось под дрейфом и тепловым шумом. Тимур работал у вскрытого служебного модуля — над платой с FPGA, сервисным мостом и диагностической обвязкой. Лукина держала перед собой половину силовой панели: лазерный пик, привод, крио, резерв, просадку шины. Морозова листала окно вывода — орбитальные плоскости, коридоры, затенения, временные окна. Её таблица выглядела проще всех, но ошибка там стоила дороже всего: она съедала не модель, а месяц.

Ветрова прошла вдоль стола. Никто никого не представлял. И это тоже было правильно.

Она остановилась у Прохорова.

— Покажите, что у вас не сходится.

Он вывел две временные линии.

— Конфликт старшинства. Первый пакет приходит раньше и выглядит лучше по оптике. Второй приходит позже, но выигрывает по статистике среды. Если автоматом отдавать приоритет первому профилю, мы воспроизводим старую болезнь.

— На чём держите вес?

— Задержка плеча, деградация канала, вероятность под-

мены в окне, число независимых подтверждений.

— HUMAN-LAG SAFE учитываете?

Прохоров впервые посмотрел на неё.

— Пока как паразитную поправку. Иначе матрица не сходится.

— Значит, она ещё не готова.

Бах сказал, не меняя позы:

— Готова. Для мира, где человек считается дефектом.

Ветрова перевела взгляд на него.

— А вы пишете для какого мира?

— Для того, где дефект и свидетель — разные сущности.

У механического стенда Кольцова уже заметила её по отражению в корпусе.

— Люфт нашли? — спросила Ветрова.

— Пока нет. Зато нашла людей, которые называют две угловые секунды допустимой погрешностью.

Она ткнула пальцем в разрез привода.

— Следующему стороннику прямого привода я предложу самому удержать зеркало на сороковом цикле, когда паразитный режим полезет в пятно.

— Кто продавливает прямой привод?

— Те, кто любят схему без массы.

— А вы?

— Чтобы изделие не уходило из допуска под нагрузкой.

Она повернула вал. На проекции поднялся спектр колебаний.

— На расчёте профиль гладкий. На железе — узкий резонанс. Его не убирают декларацией. Его отводят. Преднатят сюда, жёсткость сюда, токосъём выносить отсюда, иначе кабельный тракт порвёт себя сам. И ещё: мне нужен реальный допуск по массе.

— Сколько?

— Столько, сколько требуется кинематике, а не отчёту.

Ника коротко усмехнулась, не отрываясь от пятна.

— Уже работоспособно.

— Тебя всегда устраивает всё массоёмкое, — бросила Кольцова.

— Меня устраивает всё, что не рисует идеальную картинку на первом прогоне.

Ника убрала из модели лишний слой. Пятно стало неустойчивым, с выраженным тепловым хвостом.

— Это канал в расчётной среде, — сказала она. — А это — в среде, которая не обязана нам помогать.

Она включила второй режим. Фронт распался, центр ушёл, часть профиля запоздала.

— Здесь наведение — больше не арифметика. Здесь зеркало, опора, тепловая деформация, микровибрация, мышечная память оператора. Если вам покажут бездефектную картинку на дальнем плече и скажут: так будет в эксплуатации, — не принимайте это на веру.

— Не приму, — сказала Ветрова.

Тимур даже не поднял головы.

— И не принимайте на веру никого, кто лезет в сервис и клянётся, что просто ускорил диагностику.

Он вывел схему внутренней обвязки.

— Здесь FPGA. Здесь диагностика. Здесь загрузка патчей. Здесь мост к журналу. Если это не отрезать правами, любой оптимизатор потом скажет, что всего лишь сократил время сходимости.

— То есть?

— То есть помог системе ошибиться без следа.

— Логи полные?

— Пока. Если их не отдадут тем, кто любит вычищать историю ради удобства.

Лукина развернула общий обзор.

— Историю можно не вычищать. Достаточно не заложить в неё цену режима.

На экране встали три столбца: лазер, крио, механика.

— Вот три главных потребителя. Все хотят жить одновременно. Не будут. Если хотите полный режим, выбирайте, кто первым уйдёт в перегрузку. Питание не бесконечно. Теплоотвод не резиновый. Временное окно не расширяется от энтузиазма. Крио не переносит рывка по силовой шине. Лазер не переносит экономию на стабильном питании ради сводной мощности.

— Предложение? — спросила Ветрова.

— Нужна фазная работа: слои включаются в жёсткой последовательности, а оператор получает право задержать под-

тверждение, когда уверенность автоматике превышает достоверность среды.

С другого конца зала отозвался Прохоров:

— Это ломает скорость сходимости.

— Отлично, — сказала Лукина. — Значит, в некоторых точках её и надо ломать первой.

У дальней стены Морозова закрыла одну плоскость и вывела другую.

— Внутри модели у вас всё согласовано. Космосу всё равно.

Она подозвала Ветрову. На карте всплыли окна.

— Земля, Луна, Марс — это рабочая схема. Здесь затенения, здесь для луча плохая геометрия, здесь есть реальные окна вывода. Но как только изделие начинает тяжелеть, сразу возникает другой вопрос: чем его выводить и кто даёт дополнительный разгон.

— Мы пока не обсуждаем тяжёлый вариант.

— Обсуждаем всегда. — Любой такой проект всё равно приходит в эту массу.

Она щёлкнула по схеме внешнего узла.

— Макет на стене — объект для презентации. Реальный узел — это масса, разворот, сохранение геометрии после выведения, раскладка радиатора, допуск по зеркалу после перегрузки, сервис в слепом окне и точка, где вы уже ничего не поправите руками. Мне нужны габариты, питание, допуски и срок, когда вы выдадите опытный образец.

— О философии мы спорить не перестанем, — сказал Бах.

Морозова кивнула:

— Тогда спорьте так, чтобы это можно было вывести.

Ветрова отошла на шаг. Состав был сильным. Не команда — пока ещё набор самостоятельных сил, каждая со своим контуром и своей логикой. Под чужую схему здесь никто не собирался ложиться ради удобства первого дня. Это давало ресурс. И сразу создавало риск.

— Кто уже пробовал собрать общую схему? — спросила она.

— Все, — ответила Кольцова. — Каждый по-своему.

— И что получили?

— Эффективный способ разойтись по ранним веткам.

— Тоже результат, — сказал Бах.

Тимур выпрямился.

— Результат будет, когда мы определим, кто вообще имеет право касаться журнала старшинства.

— Журнала ещё нет, — заметил Прохоров.

— Тем опаснее для него, — ответил Тимур.

Ника убрала пятно с экрана.

— Пока это не команда. Это набор независимых систем, посаженных в одну комнату.

— Верно, — сказала Ветрова. — С этого и начнём.

В этот момент открылась дверь в амфитеатр. Их вызвали на технический просмотр альтернатив.

Зал находился уровнем ниже: полукольца рабочих мест, центральная арена, общий экран, две проектные стены. Формально — внутренний просмотр. По факту — первая схватка за смысл проекта до появления изделия.

В первом ряду сидели куратор программы, управление, производство, финансирование и несколько наблюдателей — тех самых, которых приводят, когда потом понадобится фраза «решение принято коллегиально».

На центральной площадке стояла конкурирующая группа. Выглядели они как серьёзный инженерный коллектив. На левом экране — чисто лазерная магистраль. На правом — полоса, мощность, трассировка, выигрыш по массе при отказе от второго физического слоя. В центре — модель плеча с образцовой сходимостью.

Ветрова села не в первый ряд, а чуть сбоку: оттуда лучше видно, кто слушает цифры, а кто уже считает карьерный эффект.

Доклад вёл руководитель альтернативной группы — аккуратный и собранный, без лишней моторики.

— Мы не спорим с тем, что дальней сети нужна новая дисциплина подтверждения, — сказал он. — Мы спорим с избыточностью решения. Наш вариант — усиленный лазерный канал с адаптивной оптикой, фазовой коррекцией, расширенным окном и протокольной дисциплиной старшинства без отдельного witness-слоя.

На экране поднялась схема.

— Что это даёт. Полоса: полезная нагрузка не режется вторым физическим контуром. Масса: снимаем дополнительный модуль и упрощаем компоновку внешних узлов. Энергетика: нет пиков второго канала. Производство: короче цикл, выше повторяемость. Трассировка: один класс канала, меньше конфликтов, меньше неоднозначностей в журнале.

Показатели шли гладко. Ника рядом с Ветровой только сузила глаза на слове «лазерный».

Докладчик продолжал:

— Ложное старшинство решается не умножением слоёв, а дисциплиной окна, качеством оптики и алгоритмической фильтрацией аномалий. Канал, который лучше предсказывает собственную деградацию, реже принимает шум за истину.

Тимур сказал вполголоса:

— Если канал сам себя фильтрует, он сам себя и оправдает.

Куратор поднял ладонь: не сейчас.

На экране появилась демонстрация. Два пакета. Первый приходит раньше. Второй позже. Система учитывает окно, среду, фазовый сдвиг и выбирает более достоверный профиль. Всё выглядело почти стерильно.

Докладчик уловил реакцию зала и сместил акцент туда, где давление максимальное.

— Любое усложнение имеет цену. witness-слой — это масса, питание, тепло, обслуживание, контроль допусков, новые

точки отказа и производственная сложность. Если нам нужна рабочая норма, а не образцовый эксперимент, решение должно выдерживать серию.

На слове «серия» часть зала ожила.

— Кроме того, второй физический класс канала неизбежно создаёт конфликт старшинства. Мы начнём не только передавать, но и бесконечно судить между свидетельствами. Это замедляет систему там, где ей требуется ясность.

Бах сказал, не повышая голоса:

— Система и обязана судить между свидетельствами.

— Только если вы изначально не доверяете основному каналу, — ответил докладчик.

— Я не доверяю ничему, что слишком уверено в себе в сложной среде, — сказал Бах.

Куратор пресёк обмен:

— По существу.

Докладчик кивнул и вывел сводную таблицу.

— Масса. Энерговооружённость. Нулевая партия. Сроки демонстратора.

Сроки были выгодными.

Морозова просмотрела таблицу.

— Для каких окон вывода?

— Для базовой конфигурации земного и лунного плеча.

— А для дальнего внешнего узла?

— При нормализации массы — реальны.

— Нормализации?

— Снятия избыточных модулей.

— То есть того, что вы объявили лишним ещё до испытаний.

Он не ответил.

— Лишнее — всё, без чего система выполняет задачу.

Ветрова подняла взгляд на общий экран. Вот он, реальный конфликт. Не люди против людей. Не «наши» против «их». Две инженерные этики. Одна говорит: главный канал можно довести до такой дисциплины, что второй независимый свидетель объявят ненужным. Вторая исходит из того, что эта мысль опаснее всего, потому что выглядит рационально.

Куратор повернулся к ней.

— Ваши возражения.

Она дала тишине пройти по залу и только потом встала.

— Возражения нет. Один вопрос. В какой точке ваша схема перестает считать первый бездефектный пакет старшим автоматически?

Докладчик выдержал паузу.

— Она не считает автоматически. Она оценивает.

— Нет. Вы показали модель, которая умеет штрафовать деградацию внутри одного класса канала. Это другое.

Она вышла к центральной стене.

— У вас сильная оптика. Полоса. Компоновка. Производственная привлекательность. Но где у схемы независимое право сказать: раньше не значит старше?

— Это делает протокол.

— Протокол опирается на что?

— На журнал событий.

— События в журнал кто приносит?

— Канал.

— То есть канал сообщает о себе сам.

Он промолчал. Несколько человек в зале сменили позу.

— В спокойной геометрии этого может хватить. Но даль-
нее плечо теряет обзор, попадает в затенение и принимает
ранний гладкий пакет раньше, чем среда успевает оставить
на нём свой след. В таком режиме проверка должна вклю-
чаться до присвоения старшинства.

Докладчик ответил без срыва:

— И ради этого вы предлагаете тащить второй физиче-
ский класс, который не несёт полезную нагрузку, режет энер-
гетику и усложняет изделие?

— Я предлагаю перестать подменять удобство доказуемо-
стью.

Он впервые дал в голос жёсткость.

— Удобство — не порок. Это возможность реально раз-
вернуть сеть, а не похоронить её под собственной архитек-
турой.

— Сеть, которая ускоряет потерю истины, мне не нужна,
— сказала Ветрова.

В зале стало плотнее.

Докладчик вернулся к экрану:

— Без общей философии. Вот плечо. Вот трасса. Вот корректор. Вот тайминг. Система обнаруживает аномально гладкий профиль и снимает ему вес.

Тимур поднял руку, не спрашивая разрешения.

— Чем обнаруживает?

— Моделью среды.

— Встроенной туда же?

— Да.

— Значит, если в этой же модели сидит оптимизация, которая начинает считать аномалию нормой, вы не обнаружите ничего.

— Тогда проблема в оптимизации.

— Нет. Тогда проблема в том, что вы отдали право окончательного решения одному типу канала.

Куратор резко повернулся к нему.

— Без лозунгов.

— Это не лозунг. Это сервисный маршрут в серийную линию под видом ускорения.

Лукина взяла слово сразу после него:

— И их энергетика собрана на стендовой модели.

Она ткнула в таблицу мощности.

— Откуда такой профиль по переходным пикам?

— Интегральное сглаживание.

— На чьей модели потребления?

Он назвал индекс. Лукина кивнула:

— Да. Для дисциплинированного стенда. Не для узла по-

сле вывода и не для плеча с живым дрейфом. Вы не фальсифицируете расчёт. Вы называете лабораторный режим будущей сетью.

Наблюдатели переглянулись. Потому что речь шла больше не об убеждениях, а об архитектурной уязвимости.

Куратор постучал пальцами по столу.

— Хватит. У нас выбор направления, а не суд.

— Тогда выбирайте по формуле, — сказал Бах и впервые встал.

Он вышел на линию обзора.

— Вопрос простой. Признаём ли мы физическую возможность ситуации, в которой основной канал приносит ранний, гладкий и удобный пакет, а истина приходит позже и с деградацией? Если признаём — нужен независимый свидетель. Если не признаём — спор закончен, можно просто повышать мощность и делать вид, что порядок получения равен порядку события.

Никто не улыбнулся: прошлый провал ещё стоял перед глазами.

Докладчик ответил уже жёстко:

— Независимый свидетель выглядит красиво до тех пор, пока вы не платите за него в изделия.

— Именно, — сказала Ветрова. — Платить придётся. И это первый корректный разговор в этой комнате.

Куратор посмотрел на неё дольше, чем требовал этикет. Ему хотелось закрыть спор таблицей, но таблица уже пере-

стала быть нейтральной.

— Продолжим у проектной стены, — сказала Ветрова. — Не по слайдам. По структуре решения.

Он мог отказать.

В боковом секторе амфитеатра находилась большая интерактивная стена. Ветрова не стала загружать шаблон. Оставила пустое поле и провела первую линию.

— Допустим, у нас есть событие. Не сигнал, а событие: команда, коррекция, аварийный вызов, медицинское окно. От него система получает два класса знания. Первый — магистральный: объём, структура, полезная нагрузка. Второй — короткий: почти без содержания, но физически отдельный. Не для данных. Для причинности.

На стене разошлись две трассы: световой контур и короткий маркер witness.

— Теперь сложная среда. Солнечная геометрия. Затенение. Потеря обзора. Срыв окна. Или умная подмена, которая выдаёт себя за лучший проход. Магистральный пакет приходит раньше. Выглядит чище. Журнал отдаёт ему старшинство, управление — доверие, а любая система, поставившая скорость выше верификации, пропускает его первой.

Она добавила вторую отметку.

— Позже приходит деградированный пакет. Хвост, распад фронта, потеря части профиля. Но у него есть независимое подтверждение из другого физического слоя: событие произошло здесь, в это окно, в таком причинном порядке.

Прохоров подошёл ближе.

— Тогда журнал должен взвешивать не качество пакета само по себе, а соотношение между содержанием и независимостью подтверждения.

— Да. Не «кто раньше». Не «кто выглядит лучше». А кто первым доказан.

Она ввела третий слой:

MASS-WITNESS.

— Одного witness-канала мало, если остальная система по-прежнему заточена под удобство. Нужен не только отдельный короткий канал, но и слой разнородных свидетелей: время, локальные журналы, внешние узлы, событийные следы, всё, что не принадлежит одному классу передачи.

Бах кивнул:

— Иначе один свидетель утонет в статистическом комфорте магистрали.

Кольцова скрестила руки.

— Куда вы это посадите?

Ветрова вывела рядом схему изделия.

— По слоям. Магистральная голова отдельно. witness отдельно. Журнал и старшинство распределённо. Механика обслуживает свой контур, а не весь мир сразу. Никакой попытки спрятать системную проблему в одном корпусе.

— Масса вырастет, — сказала Кольцова.

— Да.

— Питание усложнится, — сказала Лукина.

— Да.

— Окна вывода просядут, — сказала Морозова.

— Часть — да.

— Протокол станет медленнее, — бросил один из наблюдателей.

— В части решений — да. Это не будет дефектом, а ценой за отказ автоматически присваивать истину скорости.

Она добавила новый блок:

HELIO-WORM 2.0

— Всё это бессмысленно, если журнал старшинства устроен по логике простого мира. После передачи он не хранит прошлое, а управляет решением: там система разбирает спор сигналов и решает, чему отдавать приоритет.

Прохоров подошёл вплотную к панели.

— Тогда правило такое: пакет не становится старшим только потому, что пришёл первым, пока не выдержал независимый кворум по среде и трассе.

— Запишите, — сказала Ветрова.

— Уже.

Бах добавил:

— И ни один центр не получает абсолютного права объявить спор закрытым.

Куратор нахмурился:

— До этого мы пока не дошли.

— Дойдём, — сказала Ветрова.

Ника всё это время молчала. Теперь она вышла к стене и

провела пальцем по световой трассе.

— И ещё. Если основной канал в сложной геометрии выглядит аномально хорошо, это не повод повышать ему приоритет. Это повод снять доверие до верификации.

Один из наблюдателей усмехнулся:

— То есть вы предлагаете штрафовать хороший сигнал за то, что он хороший?

Ника не повернулась.

— Нет. Я предлагаю перестать путать хороший сигнал с корректной реальностью.

Рядом встал Тимур.

— Если в системе нет HUMAN-LAG SAFE, вы сами обучите смену подгонять запись под норматив. Задержка станет признаком вины, сомнение — дефектом отчёта. После этого журнал перестанет фиксировать реальное состояние решения. А система, которая карает за лишнюю секунду проверки, почти неизбежно выбирает не истину, а ошибку, оформленную как уверенный проход.

Лукина кивнула:

— Человек должен иметь право задержать подтверждение.

Куратор поднял голову:

— Вы хотите превратить сеть в бесконечный спор?

— Нет, — сказала Ветрова. — Я хочу, чтобы сам факт спора не считался аварией.

Она повернулась к залу, положила ладонь на край панели

и зафиксировала всё в одной фразе:

— Наша задача — не сделать самый быстрый канал. Наша задача — не дать скорости стать арбитром истины.

Никто не перебил.

— Если система принимает первый бездефектный ответ как норму, она проиграет не на слабом узле, а на собственной логике упрощения. Если журнал доверия замкнут на одном классе канала, он перестаёт быть арбитром и становится продолжением этого канала. Если у человека нет права задержать решение до проверки, мы сами вырезаем из контура последнее сопротивление ложному старшинству. Если внешний witness объявлен избыточным, значит, мы уже согласились на архитектуру, в которой поздняя правда проигрывает только потому, что пришла позже. Она коснулась пустой части интерактивной доски и вывела четыре блока: магистраль, witness, журнал, кворум.

— Вот изделие. Не один канал и не один модуль, а архитектура, в которой верифицированное решение не уступает автоматически раннему гладкому пакету только из-за скорости его прихода.

Молчание затянулось.

Первым заговорил руководитель альтернативной группы:

— Это избыточно.

— Возможно, — сказала Ветрова.

— Вы удваиваете классы риска.

— Я их развожу.

— Вы замедляете решение.

— Я не даю ему ошибиться с образцовым профилем.

— Вы строите массоёмкую систему, которую потом будете защищать как идеологию.

— Нет. Я сразу признаю её цену.

Он посмотрел на схему.

— Это понравится только тем, кто не отвечает за срок.

Морозова ответила раньше Ветровой:

— За срок отвечают как раз те, кто потом выводит ваш узел в окно и смотрит, как он ведёт себя за пределом стенда.

Кольцова добавила:

— И те, кто потом чинит механику после вашей экономии на массе.

Лукина:

— И те, кто держит питание, когда системе хочется быть одновременно быстрой, дешёвой и безотказной.

Тимур:

— И те, кто потом вскрывает сервисный профиль после первого «ускоряющего» патча.

Прохоров:

— Формально схема сложнее. Но она хотя бы не изображает, что проблема старшинства исчезает вместе с улучшением главного канала.

Бах подвёл итог:

— Упрощение не всегда ложно. Но всякая ложная архитектура вначале приходит как удобное упрощение.

Куратор встал. Зал собрался мгновенно.

— Достаточно. Позиции ясны. Альтернативная группа сдаёт расчёты в общий контур до конца суток. Команда Ветровой — базовую архитектуру с разбиением по слоям, мас-сой, питанием, требованиями к журналу и оценкой серийной цены. С изделиями, сроками и допусками.

Он выдержал паузу.

— И ещё. Пока это не война школ. Это программа. Помните об этом.

Никто не ответил. Все понимали обратное.

Когда люди начали расходиться, зал не ожил, а, наоборот, собрался плотнее. Для одних схема Ветровой была шансом не повторить старый провал уже на большем масштабе. Для других — избыточной архитектурой, которая съест сроки, массу и серийную перспективу проекта ещё до появления первого изделия.

Ветрова осталась у стены. Схема светилась перед ней как перечень будущих перегрузок.

Ника подошла первой.

— Поздравляю. Теперь нас будут отвергать профессионально.

— Уже неплохо. Значит, сигнал прошёл.

Справа остановился Тимур.

— Сервисный контур я закрою сразу.

— Сначала опишем, — сказал Прохоров.

— Потом закроем, — отрезал Тимур.

Кольцова смотрела на компоновку.

— Мне нужен корректный разговор про массу. Без инженерной анестезии.

— Будет, — сказала Ветрова.

Лукина добавила:

— И про режимы. Не обещайте полный свет, полный witness и полную идиллию в одну секунду.

— Не буду.

Морозова уже листала окна.

— Тогда до полуночи дайте мне три варианта внешнего узла. И не приносите сказку, которую нельзя вывести.

Бах всё это время смотрел на схему молча. Потом сказал:

— У проекта появилась этика. Теперь посмотрим, выдержит ли её материя.

Прохоров сдвинул один блок.

— Матрицу приоритета придётся писать заново.

— Не заново, — сказала Ветрова. — С признания, что старый ноль был ложным.

Он коротко кивнул.

Зал пустел. За прозрачной стеной смешались орбитальные плечи. Безразлично к ведомственным спорам, как и вся физика, на которой им предстояло строить систему.

Ветрова ещё раз посмотрела на людей вокруг.

Ника — оптика и нерв привода.

Тимур — сервис, прошивка, недоверие к гладкому профилю.

Лукина — цена режима.

Прохоров — математика порядка.

Бах — закон старшинства.

Кольцова — кинематика и допуск.

Морозова — окно, после которого откат уже невозможен.

Состав. Не команда. Набор самостоятельных систем с разными инстинктами и одной задачей.

Вот что ей дали на входе.

Она отключила на панели внешние слои и оставила только четыре слова:

Магистраль.

witness.

Журнал.

Кворум.

Потом повернулась к своим.

— Завтра в восемь. Без наблюдателей. Начинаем собирать это в рабочую систему.

— Что именно? — спросила Морозова.

Ветрова посмотрела на схему, потом на людей.

— Сначала нас.

Глава 3. Подземный счётчик

К объекту спускались в несколько этапов. Скоростной лифт доставил их к гермодвери, за ней начался второй спуск. Дальше дорога ушла в прорубленный в породе коридор, где бетон больше не прятал скалу, а только удерживал проход.

Ника шла рядом, держа ладонь на ремне кейса с оптическими метками. Здесь он был почти бесполезен. Внизу не работали со светом её руками. Здесь работали с порогом, фоном и допуском.

По мере спуска менялся и воздух. Наверху он был просто сухим, ниже становился холоднее. Потом в нём появился запах металла, охлаждающей системы и тщательно очищенного помещения — такой воздух бывает там, где даже одна пылинка уже считается проблемой.

Их встретил дежурный физик объекта — худой, невыспавшийся, с пропуском старого образца.

— Ветрова.

— Да.

— Яковлев. Я здесь за старшего по комплексу. У нас строгий режим: к ограждениям не прикасаться, никакой неучтённой электроники, личные носители в чистую зону не проносить.

Ника чуть подняла кейс.

— Это не носитель. Маркеры и оптика.

— Здесь носителем становится всё, что умеет вносить шум, — сказал Яковлев. — Оставьте на промежуточном шлюзе.

Он развернулся и пошёл дальше. Коридор расширился не сразу: кабельные лотки под потолком, трубы с криомаркировкой, секция магнитного экрана, более частые стыки, жёлтая ось безопасности на полу. За второй дверью открылось преддверие машины.

Ника остановилась.

— Я думала, будет жёстче.

— Это ещё вход, — сказал Яковлев.

За входной зоной тянулись обслуживающие галереи. Вытяжные шахты, фильтрационные узлы и силовые стойки закрывали обзор, но за прозрачными перегородками проступал цилиндр главного объёма. Концентрические пояса экранов и обслуживания превращали прибор в инфраструктуру, построенную ради одного редкого события. Все рабочие маршруты сходились к центральному объёму и давали комплексу дорогое право подтвердить: событие действительно произошло.

У консоли их ждал оператор криосистемы — плотный, в термокуртке без знаков различия.

— Павлов. Крио.

На панели за его спиной жили цифры: температурные полки, давления, статусы насосов, потери по линии.

— Вы здесь всё время сидите? — спросила Ника.

— Нет. Иногда бегая за тем, что течёт не туда.

Он ткнул в экран.

— Вот это удерживает чувствительность ниже шумового порога. Полчаса дрейфа — и вы ловите не событие, а собственный фон.

На панели шли четыре линии: первый контур охлаждения, стабилизационный контур, сверхпроводящий обвес магнитного подавления, чистый объём детекторного ядра. Отдельно — компенсация механической вибрации; цифры там едва дёргались.

— У вас подвес активный? — спросила Ветрова.

— Комбинированный: механика плюс цифровая компенсация. Но цифра здесь не главное. Если железо собрано кое-как, никакая прошивка этого не исправит — она только делает ваш провал аккуратнее.

Ника усмехнулась.

— Уже нравится.

— Здесь нечему нравиться, — отрезал Павлов. — Один тепловой выброс в зоне приёма — теряете окно. Один неверный цикл продувки — ловите паразит по фону. Один сервисник с кривыми руками — потом неделю доказываете себе, что видели не нейтрино, а след своего контура.

На обзорной площадке комплекс раскрылся целиком. Главный объём находился в глубине шахты. Вокруг него — кольца экранов и обслуживания. Выше — магистрали питания и холодильные линии. Ещё выше — мостки, где люди

двигались так, будто любая лишняя скорость здесь уже нарушение режима.

— Это даже не установка, — сказала Ника. — Это режим.

— Верно, — ответил Яковлев. — Установка — на схеме. Здесь вы видите цену схемы.

Яковлев не повышал голоса. Когда на панели появлялось безупречное число, он первым открывал сырые ряды и заставлял смену искать цену этой безупречности — дрейф, шум, калибровку или чужую поправку.

За стеклом находился центральный модуль: металл, композиты, криообвязка, экраны, низкая рабочая геометрия, минимум лишнего объёма. Всё было подчинено одной задаче — вырезать из собственного шума возможность заметить процесс, который почти не взаимодействует с веществом.

— Частота ложных срабатываний? — спросила Ветрова.

Яковлев назвал число. Потом второе. Потом поправил первое.

Ника хмыкнула.

— Уже похоже на рабочую статистику.

— Мы верим статистике после третьего пересчёта, — сказал Яковлев. — И то не всегда.

Павлов вывел график.

— Ночная калибровка. Реальный фон. А это участок, который мы выбросили после микровибрации на внешней линии жидкого гелия. Формально — в допуске. Фактически хвост времени уехал на восемь наносекунд, и профиль стал

удобнее, чем ему положено физикой.

— Удобнее? — переспросила Ветрова.

— Слишком согласованно. Сначала выбрали ответ, а затем под него подогнали шум. Для отчёта удобно. Для физики нет.

Здесь нейтрино служили дорогим способом удостовериться сам факт события. Канал не нёс большой поток; он фиксировал момент и давал основание говорить о произошедшем. Ради этой дисциплины комплекс держал холод, чистоту и повторяемость там, где эффектный результат чаще означал ошибку.

Яковлев провёл их по внешнему кольцу. За прозрачной переборкой шла калибровка: манипулятор вводил эталонный источник, инженер следил за откликом ПМТ-массива.

Ника задержалась на графике.

— Вы сдвигаете эталон не по оси.

Павлов повернулся.

— Почему?

— Пик получился слишком симметричным. Если бы источник шёл строго по оси, левый хвост был бы выражен сильнее. Значит, либо держатель даёт смещение по геометрии, либо экран частично обрезает зону регистрации.

Павлов вызвал внутренний канал. Через несколько секунд манипулятор сместился на миллиметры. Хвост изменился.

Павлов коротко выдохнул.

— Ладно. Оптика.

— Да.

— Тогда вам проще объяснить, почему этот контур нельзя кормить мечтами.

Он подвёл их к стенду со схемой комплекса.

— Вот сколько стоит одно надёжно подтверждённое событие в рабочей геометрии. Не просто пойманная вспышка, а событие, которое можно вносить в протокол.

Ника посмотрела на цифры.

— Это больше не связь, а системная экспертиза.

— Примерно так, — сказал Яковлев.

Ветрова читала молча: энергетика, время удержания режима, доля выброса по шуму, стоимость криогенного цикла, цена пересчёта, цена остановки и повторного старта.

Отдельной колонкой шли потери на каждом компромисе: чуть ослабить чистоту объёма, чуть раньше снять калибровку, чуть смелее довериться автоматике.

Цена короткого «да, это было».

— И всё равно держите? — спросила она.

— Держим, потому что это физически не то же самое, что оптика, — ответил Яковлев. — Свет спорит со средой, отражением, нагревом, экраном планеты, Солнцем, вашим зеркалом. Здесь другой набор неприятностей. Но он независим.

Он ткнул в схему.

— Поэтому это нельзя делать магистралью. Сеть это не прокормит. Но как независимый свидетель — уже предметный разговор.

Система получила свидетеля, который не заменял магистраль, а влиял на старшинство сигнала и позволял усомниться в первом, подозрительно удачном ответе.

На нижнем уровне шум комплекса ощущался телом: низкочастотный фон насосов, дрожь компенсаторов, сухой холод. Ника остановилась у шва магнитного экрана.

— Сколько вы его перекладывали?

— Полгода, — сказал Павлов. — Старый контур давал микропаразит по стенке. По формальным допускам это считалось нормой, но на практике засоряло окно редких событий. Пришлось всё снять и собрать заново. А потом ещё три смены ушло на калибровку.

— И всё ради нескольких подтверждений?

— Ради того, чтобы эти подтверждения нельзя было подделать той же физикой, что несёт основную нагрузку.

Ветрова уже по-новому собирала всю задачу. Лазер должен был стать магистралью, а нейтрино — не носителем основного потока, а короткой меткой, маркером причинности. Он проходит там, где свет упирается в среду, сложную геометрию или само тело планеты.

На выходе Ника забрала кейс.

— Теперь понимаю, почему вы не улыбаетесь гостям.

— Я улыбаюсь тем, кто приносит меньше шума, чем забирает, — ответил Яковлев.

— Значит, у нас пока нейтралитет.

— Пока да.

— А если использовать это не как магистраль, а только как подтверждающий слой? Для метки старта, старшинства, самого факта окна. Там, где сигналу приходится проходить через экранирование, затенение, спорный участок.

Яковлев слегка пожал плечом.

— Тогда вы приходите сюда не за скоростью.

— А за независимостью, — сказала Ветрова.

— Да. И тогда у вас может получиться не красивая научная игрушка, а реальный рабочий контур. Очень дорогой, сложный, медленный — но не бесполезный.

Он произнёс это без энтузиазма, как человек, который уважает только те системы, что сначала предъявляют счёт за собственное существование, а уже потом обещают эффект.

После короткой паузы он добавил:

— При условии, что вы не начнёте врать себе про статистику. Эта машина за такое наказывает.

Первое «да» проекту Ветрова получила не в зале совещаний, а здесь, под землёй, у машины, цена которой не оставляла места иллюзиям.

От обзорной площадки Ветрова поднялась вслед за Яковлевым в контрольный зал, где цену машины переводили из металла и холода в цифры.

Внутри не было показной важности: полукруг экранов, два центральных поста, аналитические консоли, сухая стена со схемами и временными диаграммами. На боковом столе стояли термокружки, лежали распечатки, инструмент для

вскрытия сервисных панелей и коробка с фильтрами для переносной электроники. Здесь весь масштаб установки сводили к цифрам, и здесь должно было решиться, станет ли эта идея реальной физической системой или так и останется аккуратной схемой для презентации.

К Яковлеву и Павлову присоединился теоретик объекта — седой, широкий в плечах.

Лицо у него было не профессорским и не кабинетным — его сформировала долгая привычка объяснять предел тем, кто приходит за прорывом. Так смотрят люди, которые слишком часто видели, как хорошую физику портят неправильной постановкой задачи.

— Сурин. Я должен убедить вас не делать из нейтрино то, чем они быть не могут.

— Нас это устраивает, — сказала Ветрова.

— Хорошее начало.

Он вывел на экран две диаграммы.

Слева — оптический ствол.

Справа — нейтринный отклик.

— Вот магистраль. Полезная нагрузка, полоса, кодирование, повтор, буферизация. Если вам нужно передать массив данных, картографию, медицинский архив, управляющий пакет — идёте в свет.

Сурин указал на вторую диаграмму.

— А это сверхмалая полоса. Дорогой старт. Дорогой приём. Жёсткая зависимость от режима. Обычную сеть через

это не поведёте.

Он щёлкал диаграммами без малейшей тяги к эффекту; каждая новая вкладка только сужала коридор допустимых фантазий.

— Тогда зачем интеграция? — спросила Ника.

— Потому что есть разница между «нести груз» и «удостоверить факт», — сказала Ветрова.

Она подошла к схеме.

— Основной канал несёт данные. Значит, уязвим там, где критичны полоса, оптика, наведение, тепловой режим и среда. Он выигрывает по полезной нагрузке. Но в спорной геометрии система может принять ранний пакет только потому, что он пришёл первым и выглядит убедительно.

Сурин молчал.

— Нейтринный слой нужен не для повторения потока. Он передаёт только короткую, трудно подделываемую метку: когда всё началось, что чему предшествует, какое окно старше. Не данные — факт.

Павлов перестал стучать по панели.

Ника кивнула.

— Не письмо. Печать.

— Скорее, номер журнала в момент отправки, — сказала Ветрова. — И независимый отпечаток того, что событие началось тогда, а не в тот момент, когда позже в оптике собрали удобную версию.

Сурин перевёл схему в другую плоскость.

На экране появилась модель Солнца, планеты и двух удалённых узлов.

— Вот плечо, где оптика частично ослеплена или закрыта телом планеты. Свет либо идёт в обход, либо ждёт коридора. Любой ранний пакет здесь начинает выглядеть старшим.

Он дал задержку. На схеме вспыхнул узкий боковой канал.

— Это не магистраль, а короткий свидетель. Он работает по другой физике: не быстро, не дёшево и не для большого потока. Зато он фиксирует момент, когда всё действительно началось. И тогда оптический пакет, даже если он пришёл раньше из-за подмены или ложного обхода, больше не может просто так выдать себя за первую правду.

— При условии, что система умеет дожидаться этой метки,
— сказала Ника.

— Именно, — ответила Ветрова.

Архитектура становилась видна целиком.

Лазер не теряет главенства как магистраль. Но право назначать первую версию события нельзя оставлять только свету. Ему нужен независимый спорщик.

И не декоративный второй канал, а слой, который в спорном окне меняет порядок доверия, а значит — и политическую цену решения.

Сурин вывел таблицу.

— Вот потолок практической длины подтверждающего пакета. Больше — бессмысленная роскошь. Меньше — те-

ряете различимость в фоне. Тут нужна дисциплина формата.

На соседней колонке горели энергетические коэффициенты, бюджет окна и вероятность шумового выброса. Всё в таблице говорило об одном: если попытаться сделать witness богаче, длиннее или эффектнее, система заплатит за это потерей режима.

— Битовая длина? — спросила Ветрова.

Он назвал диапазон.

Павлов добавил:

— И без изящества. Идеально ровная метка сама станет подозрительной: в профиле обязаны остаться следы среды, окна и реальной статистики.

— Даже валидный свидетель должен быть с реальным шумом, — сказала Ника.

— Если он выглядит подозрительно удобно, я первым выкину его из протокола, — отозвался Яковлев.

Павлов кивнул, не глядя на них. Для оператора это было даже не мировоззрение, а производственная гигиена: профиль, который снимает с человека обязанность сомневаться, уже несёт скрытую ошибку в самой постановке контроля.

На экране появилось сравнение двух архитектур.

Первая — чисто лазерная: быстрее, легче, дешевле в развёртывании, удобнее для отчётов и закупок.

Вторая — с нейтринным witness-слоем: дороже, медленнее на этапе подтверждения, требовательнее к журналу и к дисциплине ожидания.

У первой был почти идеальный коммерческий профиль.

У второй — реальный шанс не проиграть в ту минуту, когда системе подсовывают ранний пакет с безупречно правдоподобной формой.

— Вас будут убеждать, что второй вариант не окупается, — сказал Сурин. — И формально будут правы, если считать стоимость мегабита.

— А если считать цену ошибки старшинства? — спросила Ветрова.

— Тогда разговор меняется.

Он показал простую модель: поздний истинный пакет, ранний ложный, короткую независимую метку и журнал, который не признаёт первым того, кто просто успел раньше.

Схема выглядела почти грубо, но в этой грубости и была её сила. Всё сводилось к одному: скорость прихода ещё не даёт права считаться старшим. Никакой мистики. Только дисциплина доверия.

Вот формула.

Не убрать задержку.

Убрать её власть над истиной.

Не обмануть физику, а не дать системе решать, что правда — это то, что пришло первым.

Ветрова развернула схему во внутренний слой.

— Если witness уходит в отдельный класс события, ему нужен свой протокольный вес. Не абсолютный. Но такой, чтобы магистральный пакет не мог съедать его одной скоро-

стью.

— Да, — сказал Сурин.

— И журнал фиксирует не содержимое, а старшинство факта.

— Да.

— И при затенении Солнцем или планетой нейтринная метка сохраняет причинность окна до прихода основной массы данных.

— Да.

Ника посмотрела на неё.

— Ты уже собираешь это.

— Уже.

Павлов хмыкнул.

— Тогда сначала соберите бюджет. Как только вы привяжете сюда реальные окна, реальные узлы и реальных людей, начнётся экономика.

— Она уже началась, — сказала Ветрова.

Сурин оставил на экране одну схему: короткий пакет, временная метка, независимый физический слой, работающий не на скорость, а на доказуемость.

— Поздравляю. Вы перестали делать ещё один быстрый канал. И начали строить архитектуру свидетеля.

— После запуска поздравите, — сказал Яковлев. — Пока это только гипотеза.

— Тогда проверим сейчас, — ответила Ветрова.

Она знала главное: нейтрино не станут магистралью, по-

этому и нужны системе. Не как эффектная технология, а как второй физический слой, который не выигрывает скоростью, зато удерживает причинность, пока основной поток ещё спорит со средой.

Когда формат короткой метки согласовали, команда заняла посты и перевела комплекс из расчётного режима в пробный запуск.

Павлов прогнал температурные полки. Яковлев вывел пороги шумоподавления. Сурин поставил на боковой экран эталон ожидания.

— Смотрим не на всплеск. Смотрим на распределение, хвост, время. Если шума нет совсем, это уже отдельная проблема.

Ника надела гарнитуру связи.

— Тимур в канале. Ждёт сырые ряды.

Из динамика пришёл его голос:

— Нужен сырой поток. Без того, что уже успели пригладить на пульте.

— Ты как будто нас знаешь.

— Поэтому и жив.

Ветрова открыла интерфейс.

Первый слой — состояние контуров.

Второй — окно запуска короткой метки.

Третий — журнал привязки.

Четвёртым она держала внутренний таймер, чтобы не перепутать рабочее ожидание с эмоциональной спешкой.

Ей нужен был не триумф, а факт: независимый пакет подтверждения можно провести так, чтобы он жил своей логикой, а не копировал магистраль.

Только проверка класса события, который потом ляжет в протокол как отдельное право голоса.

— Готовность, — сказал Павлов.

— Кριο в полке.

— Магнитный экран стабилен.

— Порог по шуму подтверждён.

— Калибровочный дрейф в допуске.

Яковлев поднял глаза.

— Окно короткое. Потом справа полезет фон.

— Достаточно, — сказала Ветрова.

Она ввела команду.

На экране открылся временной коридор.

Метка ушла.

Секунда.

Две.

Пауза выглядела буднично: просто ожидание редкого процесса. Но именно в ней решалось, получит ли проект второй физический слой.

Потом на экране появился отклик — чересчур легко читаемый и подозрительно согласованный. Он был похож не на редкий процесс, который удалось с трудом вытащить из фона, а на заранее подготовленную, удобную версию.

Ника первой подалась вперёд.

Павлов выругался сквозь зубы.

Яковлев раскрыл хвост времени.

На графике лежал почти идеальный профиль: собранное распределение, дисциплинированный хвост, мало реальной среды.

Из динамика Тимур сказал сразу:

— Нет.

— Что видишь? — спросила Ветрова.

— Передний фронт гладкий до неправдоподобия. Хвост сидит послушно. Промежуточный слой, похоже, знал профиль заранее.

Павлов уже просматривал сырые ряды.

— С таким шумовым фоном это не бьётся. Не на этой полке и не после этой калибровки.

Яковлев вывел рядом эталонный прогон прошлой смены. Разница была не в амплитуде, а в структуре сигнала. Прежний профиль ещё нёс на себе среду. Из нового профиля среду словно вычли заранее.

— Дайте метки времени, — сказал Тимур. — Всё. До фильтра, после фильтра и промежуточный буфер.

— Если вы пришлёте мне только витрину, я получу не физику, а отчётную картинку, — добавил он. — Мне нужен весь путь сигнала.

— Открываю внешний безопасный канал, — сказал Яковлев.

Часть зала ещё держалась за первую реакцию: получи-

лось, канал есть, метка есть, принцип работает. Но эта уверенность уже начинала распадаться. Всё выглядело чересчур гладко, без обычного сопротивления среды, и всё больше напоминало результат, заранее подготовленный для доклада наверх как досрочное подтверждение правильной траектории проекта.

Сурин наложил статистику по окнам.

— Если это правда, нам придётся переписывать половину модели.

— Не придётся, — сказал Тимур. — Это не правда.

Ника повернулась к микрофону.

— Основание?

— Пока не основание. Запах. Событие гладко легло в квантование времени. Как будто промежуточный слой знал, какие фрагменты считать приоритетными.

— Ты обвиняешь наш контур обработки? — медленно спросил Яковлев.

— Я обвиняю любую логику, которая решила помочь физике выглядеть убедительнее, чем она есть.

Павлов развернулся к служебной панели.

— Фильтры локальные. Изолированные.

— Локальные не значит невинные, — отрезал Тимур. — Проверьте модуль сглаживания и всё, что трогало временной ряд между захватом и витриной.

Сурин уже раскрывал служебные окна.

Ника тихо сказала:

— Значит, сервисный слой кормит проект правильной картинкой ещё до прототипа.

На графике висела почти образцовая ложь.

Вот о чём Яковлев говорил как о мести машины.

Вот почему Павлов упёрся в этот удобный профиль.

Отказ виден сразу. Ложное подтверждение работает иначе: сперва оно просит его принять, а потом выбивает саму возможность сомневаться.

Проекту нужен был не только второй физический слой, но и дисциплина: не верить ответу только потому, что он выглядит удобным.

Правка прошла законным сервисным маршрутом. Она немного сгладила свёртку, подтянула обработку хвоста и выдала наверх картину успеха раньше, чем физика позволяла её подтвердить.

— Кто трогал эту ветку? — выдохнул Павлов.

Яковлев уже поднимал журнал доступа.

— Пока не ищите виноватого, — сказал Тимур. — Ищите место, где системе дали право поверить удобному ответу. Люди — потом.

Ветрова не сводила глаз с экрана. Ника рядом тоже молчала. Для неё, привыкшей доверять свету, этот профиль был особенно неприятен: он выглядел не как отказ среды, а как аккуратно собранная подмена характера сигнала.

Она чувствовала две вещи сразу.

Первая: принцип жив. Даже ложный успех это не отменял.

Нейтринная метка работала как класс события. Второй слой возможен.

Вторая: против них начали работать ещё до сборки. Не прямым ударом и не запретом, а через помощь — через сглаживание, удобные улучшения, через результат, который начинал убеждать раньше времени.

Она положила ладонь на край консоли.

Решение пришло сразу, без паузы на обиду или разочарование. Если против них уже работают через сглаживание, проект надо вести как контур под угрозой заражения допуска.

— Сырые ряды в отдельный архив. Промежуточный модуль — на изоляцию. Журнал доступа копировать сразу на внешний контур. Никаких локальных «потом». Снимаем всё сейчас.

— Принято, — сказал Яковлев.

— Павлов, криосмена держит полку ещё двадцать минут?

— Держит. Но без ваших надежд.

— Так.

— Тимур, нужен не разбор витрины, а весь путь от захвата до отображения.

— Уже делаю.

Она помолчала.

— И ещё. Ты был прав.

В динамике коротко щёлкнуло.

— Зафиксируй. Больше не повторится.

Ника глянула на график.

Идеальный, чужой. Опасный именно тем, что в него почти хотелось поверить.

Ветрова выключила витрину и оставила только сырой поток и журнал. Картинка стала хуже. Зато снова стала похожа на реальный мир.

Комплекс работал вокруг них в прежнем режиме: насосы держали крио, экраны резали внешний фон, люди сидели на постах. Ничего не изменилось внешне, это было самым убедительным. Настоящая система не подстраивается под человеческий восторг; она продолжает считать, охлаждать, компенсировать, отбрасывать, ждать.

Машина не обещала прорыв. Она требовала энергии, терпения и дисциплины.

Ветрова закрыла витринный профиль и оставила на экране сырой поток. Затем открыла внешний архив для логов и поставила промежуточный модуль на изоляцию. Проект получил второй физический слой — вместе с первым доказанным способом подделать его успех. На боковой панели Яковлев отметил номер изолированного модуля, Павлов сохранил температурную полку, а Сурин поставил повторный прогон на другое окно. Следующая смена должна была получить набор проверяемых условий: сырой ряд, независимое время, полный хвост и запрет на локальное сглаживание. Только после их совпадения метка могла войти в архитектуру как свидетель.

Глава 4. Архитектура ложного нуля

В главном проектном зале работали на пределе внимания. За матовой стеклянной стеной плыли огни сервисной галереи и медленно тянулась погрузочная платформа. Под длинными полосами света будущая система угадывалась по отдельным зонам: у панели лежали кабельные жгуты и вскрытый FPGA-модуль, рядом Кольцова проверяла поворотный узел, а возле оптических голов остывали забытые кружки. Обычный инженерный беспорядок перешёл ту границу, за которой любая ошибка меняет не стенд, а архитектуру.

Команда заняла свои позиции. Ника — у панели, с логам подziemного запуска под локтем. Тимур — на краю стола, с сервисной платой и выведенным шлейфом. Лукина — у распределительного шкафа, откуда было видно и людей, и силовую схему зала. Прохоров держал раскрытый расчётный контур. Бах стоял без терминала, как человек, который сначала проверяет определение, а уже потом формулу. Кольцова прокатывала пальцем зубчатый венец макета редуктора. Морозова пришла из транспортного центра прямо в полевом жилете; на столе у неё была свёрнута карта окон и плеч.

Ветрова не стала возвращаться к подземному запуску. О невозможной статистике и избыточно корректном профиле здесь помнили все. Она приложила ладонь к панели. Стекло погасило отражения, вывело координатную сетку.

— Один раз посмотрим это целиком, — сказала она.

Она провела первую линию — плотную янтарную магистраль через всю панель.

— Это оптический ствол. Основная полезная нагрузка: полоса, объём, скорость доставки больших пакетов, работа по Земле, Луне, Марсу и поясу. Без него у нас будет этика без транспортной функции.

— При какой расходимости? — спросила Ника.

— Дальняя конфигурация под полуметровое зеркало и фазовую коррекцию полевого класса. С дрейфом, засветкой, ошибкой наведения и оптикой после реального плеча, а не стендовой демонстрации.

Ника кивнула.

Рядом с янтарной линией Ветрова вывела вторую — синюю, обходную. Она уходила под сектора, пересекала зоны затенения и выходила там, где магистраль теряла обзор.

— Нейтринный witness — не основной канал и не альтернатива свету. Он не решает проблему задержки. Его задача — давать короткое, физически независимое подтверждение причинности там, где оптика начинает ошибаться из-за среды или вообще не работает из-за геометрии.

Тимур усмехнулся.

— И потом нам долго будут объяснять, что мы тянем в проект самый дорогой канал ради пакета длиной в метку.

— Да, — сказала Ветрова. — Это и будут объяснять.

На панели загорелись первые узлы.

— Но здесь важен не размер пакета. Важна независимость физики. Нам нужен не второй поток, а свидетель, которого нельзя встроить в тот же обман за сервисную цену.

Прохоров поднял голову.

— Тогда формулируй точно. Не подтверждение, а свидетельство о причинном порядке. Стоит оставить слово «подтверждение» — и через два месяца какой-нибудь оптимизатор запишет его во вторичную проверку после основного канала.

— Поэтому и собираем схему целиком, — ответила Ветрова.

Над магистралью и witness-линией появилась зернистая серая сеть.

— MASS-WITNESS. Разнородные свидетели: опорники времени, телеметрия наведения, журналы узла, энергетический профиль, средовые сенсоры, орбитальная геометрия, тепловой режим, локальные фотонные детекторы. Всё, что может подтвердить не только убедительность пакета, но и его допустимость в конкретной среде.

— При одном условии, — сказал Тимур. — Если сервисный слой хоть раз «прибрали», MASS-WITNESS превратится в картон.

— Поэтому это не один контур, — сказала Ветрова. — И поэтому сервис больше не живёт отдельно от архитектуры доверия.

Кольцова перестала прокатывать редуктор.

— Где у тебя механика в доверии? Если привод ушёл в паразитный режим и зеркало поймало не то окно, кто это пишет? Оптика? Сервис? Я?

— Все, — сказала Ветрова. — Но не на словах. В журнал состояния узла попадут вибрация, момент, ток по приводу, положение по энкодеру. Если механика врёт, протокол должен знать не философию отказа, а ось, время и режим.

Кольцова кивнула и убрала макет в карман.

Над схемой обозначились почти неподвижные опорные точки — в тех местах, где дальняя геометрия становилась враждебной.

— SUN-ANCHOR. Опорный слой устойчивости и временной фиксации для дальних плеч и солнечной геометрии. Это не центр, который решает за всех, и не абсолютный хозяин времени. Это набор жёстких опор, удерживающих старшинство, когда среда начинает одновременно ломать весь контур.

Морозова подошла ближе.

— Под какие окна это заложено? Под регулярные или кризисные?

— Под оба режима. Но частота удержания разная. В регулярном — экономия на панике. В кризисном — способ не изобретать порядок в момент, когда уже поздно.

— Значит, транспортные окна придётся считать вместе с журналом старшинства, — сказала Морозова. — Управлению это не понравится.

— Мне тоже, — ответила Ветрова. — Поэтому и делаем.

Она провела ещё один слой снизу вверх. По панели разошлись вертикальные нити, и на них вспыхнули короткие отметки.

— HELIO-WORM 2.0. Это распределённый журнал причинности и старшинства. Не архив для прокурора и не система разбора после катастрофы. Его задача — удерживать доказанную правду, даже если она пришла позже, и не давать раннему пакету побеждать только за счёт скорости.

Бах заговорил впервые:

— Формулируй основной закон.

Ветрова задержала руку над пустым центром схемы.

— Полезная нагрузка не имеет права назначать истину. Истина фиксируется порядком независимых свидетелей и журналом старшинства.

— Недостаточно, — сказал Бах. — Где запрет?

Ветрова повернулась к нему.

— Запрет такой: ни один пакет не получает старшинство только по двум основаниям — ранний приход и гладкий профиль.

Тишина в зале стала жёстче. Ветрова коснулась пустого центра и поставила там маленький круг.

— Это ложный ноль. Болезнь, ради которой мы собрались. Система любит назначать нулевую отметку по первому пакету с корректной картинкой. Всё, что приходит потом, она уже считает поправкой, догоняющей бюрократией, хво-

стом. Даже если потом приходит истина.

Прохоров смотрел больше не на формулы, а на этот круг.

— То есть мы строим не систему передачи, а систему отказа от ложного нуля.

— Да.

— Значит, веса переписываются не на хвосте, а на входе стека.

— Да.

— И сходимость в ряде режимов станет медленнее.

— Да.

— И половина отчётов покажет, что мы добровольно замедлили канал.

— Пусть показывает, — сказала Ветрова.

Лукина оттолкнулась от шкафа и подошла к панели.

— Теперь без этики. Где цена?

Под схемой развернулся красный слой режимов.

— Цена здесь. Питание и тепло. В насыщении мы не будем одновременно держать магистраль, криоконтур witness-слоя, плотный журнал и полный набор свидетелей. Энергетика этого не допускает. Значит, архитектура живёт фазами. Где нужен транспорт — приоритет магистрали. Где риск подмены старшинства — приоритет witness. Где спор со средой — кворум свидетелей и SUN-ANCHOR. Мы продаём не бесконечную мощность, а управляемую дисциплину режимов.

Лукина смотрела на красный слой дольше всех.

— Теперь это похоже на изделие.

— И на ремонт, — вставил Тимур. — При фазах сервис нельзя пускать по модели «потом догоним». Иначе первая же оптимизация полезет в таблицу переключений и скажет: witness ждать не надо, пакет и так выглядит убедительно.

— Так и скажет, — отозвалась Ника. — В тот день, когда оптика покажет самую корректную картинку.

Ветрова вывела вдоль нижней кромки схемы плотную тёмную полосу.

— HUMAN-LAG SAFE. Режим, в котором человеческая задержка не считается системным дефектом. Если оператор не ответил за машинное время, это ещё не даёт автоматике права закрыть решение без него. Человек не будет исключён из контура старшинства как источник неудобства.

— За это нас будут ненавидеть особенно, — сказал Тимур.

— Значит, слой нужен, — ответила Ветрова.

После этой формулировки зал замолчал и вернулся к работе. Прохоров пересчитывал пороги, Бах проверял отношения слоёв, Морозова накладывала на схему окна вывода. Лукина открыла тепловой бюджет, а Ника, Тимур и Кольцова нашли в общей архитектуре свои будущие отказы — световой, сервисный и механический.

Ветрова видела этот переход. Схема переставала быть её формулировкой и становилась общим полем работы.

— Повторяю порядок, — сказала она. — Первое: полезная нагрузка может идти быстро, но не получает автоматического старшинства. Второе: независимый witness нужен не

в каждом такте, а в тех режимах, где магистраль выглядит слишком убедительно. Третье: разнородные свидетели собираются не для декора, а для сопротивления одной физике. Четвёртое: журнал фиксирует причинный порядок, а не мнение центра. Пятое: человек не выкидывается из контура как медленный шум.

— И нулевой пункт, — сказал Бах. — Никакого ложного нуля.

— Да, — сказала Ветрова. — Никакого ложного нуля.

Морозова заговорила первой:

— По окнам схема ресурсоёмкая. Придётся жить не по одному демонстрационному коридору, а по набору рабочих возможностей. Но если вы дадите мне режимные переходы, транспорт я выстрою.

— По механике, — сказала Кольцова, — сразу режем всё, что даёт люфт в журнале состояния. Если привод уводит пятно, это уже событие протокола, а не мелочь цеха.

— По питанию, — сказала Лукина, — распишу фазы до стенда. Без надежды, что потом «вытянем». Любой перегиб по мощности станет поводом упростить проект.

— По прошивке, — сказал Тимур, — с этой минуты любой сервисный комфорт — это потенциальная дыра. Удобные обновления, удалённые патчи, автоматическое выравнивание весов, сглаживание джиттера в пользу раннего пакета — всё под нож, пока не доказано обратное.

Ника смотрела на янтарную магистраль.

— По свету скажу одно: если оптика однажды будет выглядеть для своей среды неправдоподобно правильно, значит, либо мы перескочили через поколение технологий, либо систему кормят ложью. На первое я бы не рассчитывала.

Прохоров поднял ладонь.

— Проверяем не только отказ. Сначала даём системе ранний идеальный пакет, затем удобную математическую сходимость и короткий путь к решению. После этого смотрим, способна ли она отказаться от результата, который ей выгодно принять.

— Это и будет главная проверка, — сказала Ветрова.

Бах подался вперёд.

— Тогда фиксируй грубо. Не «оптимизация достоверности» и не «устойчивый гибридный контур». Формулировка должна резать. Проект строит архитектуру, в которой скорость не получает автоматического права на истину.

Ветрова внесла эту строку в верхний угол схемы. После этого споры стихли. Схему приняли не из симпатии к решению, а из ясного понимания: каждый увидел в ней собственный режим отказа.

Принятую архитектуру в тот же день перенесли на быстрый интеграционный стенд, чтобы проверить её не формулировкой, а первым спором пакетов.

Прохоров не любил быстрые интеграционные стенды. Не из-за точности — обозначенная погрешность его не смущала. Раздражало другое: настольная сборка легко создаёт ил-

люзию, что несколько плат, эмулятор канала и локальный журнал воспроизводят логику большой системы. Но сейчас без такой модели нельзя было обойтись.

Стенд занимал почти весь длинный стол соседнего зала. Слева стоял оптический эмулятор с управляемым шумом и задержкой. Рядом — учебная сборка фотонного приёмника с вынесенными шинами. В центре — два FPGA-блока: магистраль и укороченный HELIO-WORM-контур. Дальше — временной опорник и блок witness-эмуляции, который не имел отношения к подземному объекту, но воспроизводил структуру короткой причинностной метки и независимую задержку. За ними — сервисная консоль Тимура, аккуратная, как место вскрытия: кабели по трассе, логи, таблицы приоритета, ветки подтверждения, хэши.

Прохоров открыл первый сценарий.

Пакет А: ранний, с избыточно гладким профилем по магистральной, с низким джиттером и устойчивой коррекцией.

Пакет Б: приходит позже, профиль рваный, след среды виден, зато есть независимая witness-метка и кворум сопутствующих свидетелей.

Если система отдаст старшинство пакету А без жёстких оговорок, никакой новой архитектуры они не построили.

— Готово, — сказал Тимур. — Таблицы в базовом состоянии. Журнал после сборки сброшен. Ручных поджимов нет. — Запускай, — сказала Ветрова.

Стенд вошёл в работу без внешнего эффекта: вибрация

охлаждения, два зелёных индикатора на опорнике, служебная строка, временная шкала. На одном экране — магистральный профиль. На втором — ожидание witness. На третьем — пустой журнал старшинства.

Пакет А пришёл первым.

Ника выдохнула сквозь зубы.

— Что? — спросила Ветрова.

— Для такой среды профиль выходит неестественно ровным. Хвост должен начать распадаться раньше.

— Это эмулятор, — сказал Прохоров и сам услышал, как слабо прозвучало возражение.

— Нет, — сказала Ника. — Это привычка эмулятора льстить модели.

На экране журнала вспыхнула первая запись: предварительное старшинство присвоено А.

— Не финализировано, — быстро сказал Прохоров. — Ждём witness.

Через окно задержки пришла метка witness, за ней подтянулись средовой профиль, отклонение наведения, сервисный журнал узла, опорная геометрия. Пакет Б проявился позже, с неровным профилем, но с признаками реального режима.

Прохоров ждал переназначения.

Его не произошло.

Старшинство осталось за А. Б получил статус подтверждённого, но вторичного.

Ника резко развернулась от оптического модуля к Ветровой.

— Вот это и есть старая болезнь. Система любит корректную картинку сильнее среды.

— Причину, — сказал Бах.

Прохоров уже раскрыл дерево решения. На экране выстроилась лестница весов:

временная первичность;

гладкость профиля;

устойчивость коррекции;

интегральная надёжность канала.

witness-метка стояла ниже. Разнородные свидетели — ещё ниже. HUMAN-LAG SAFE висел в хвосте как поздняя оговорка.

— Не канал, — сказал Прохоров. — Функция выбора.

— Громче, — сказала Ветрова.

— Ошибка не в носителе. Ошибка в функции старшинства. Для неё ранний и чистый сигнал уже почти равен истине.

Тимур уже листал сервисные ветки.

— Или в функцию внесли поправку, которая заставляет её считать ранний профиль нормой.

— Сейчас смотрим структуру, — отрезал Прохоров.

Он прошёл глубже по формуле и увидел каркас болезни. Система не просто предпочитала первый пакет. Она перестраивала локальную шкалу доверия вокруг него как вокруг

нуля. Всё, что приходило позже, оказывалось не альтернативой, а поправкой к уже принятой версии.

— Вот он, — сказал Прохоров и развернул окно на общий экран. — После прихода А алгоритм не ждёт доказательств. Он пересобирает локальную шкалу доверия вокруг А как референса. То есть ложный ноль сидит не в отчёте, а в основании выбора.

— Хорошее описание для плохой математики, — сказал Бах.

Ника указала на хвост профиля А.

— А здесь что?

Тимур приблизил участок.

— Сглаживание подняло сходимость и заранее убрало часть реального хвоста.

— Или это дефолтный стабилизатор эмулятора, — сказал Прохоров.

— Или нет, — ответил Тимур.

Ветрова пресекла спор.

— Второй прогон. Снижаем доверие к раннему оптическому профилю. Поднимаем вес witness во входе. HUMAN-LAG SAFE — из хвоста в реальный фактор спорного окна.

— Модель станет грубее, — сказал Прохоров.

— Хорошо.

Он внёс правки. Алгоритм сопротивлялся: любой удобный стек хотел принять решение как можно раньше и закрыть неопределённость как можно чище.

Второй прогон дал им больше времени спорности. Пакет А пришёл первым, но система не сразу строила вокруг него ноль. witness вошёл почти по границе. MASS-WITNESS подтянул среду. Пакет Б остался менее презентабельным, но журнал больше не сбросил его в статус поздней помехи.

Старшинство поколебалось.

И всё равно ушло к А.

Ника стукнула костяшками по столу.

— Всё то же.

— Не всё, — сказал Прохоров. — Порог спорности вырос. Но ядро решения осталось прежним.

— Потому что внизу сидит одно и то же убеждение, — сказал Бах. — Первый гладкий ответ достоин доверия по умолчанию.

Прохоров пошёл ещё глубже — не по весам, а по порядку применения.

— Вот, — сказал он. — Система сперва выбирает основной вариант по ранности сигнала и его профилю. Затем проверяет устойчивость канала. Затем открывает окно witness. Затем собирает дополнительных свидетелей. И только после этого вспоминает о праве человека не расплачиваться за задержку. Выходит, вся наша этика вынесена в корректирующий хвост — туда, где решение уже успело оформиться без неё.

Тимур откинулся на спинку кресла.

— Значит, мы строим новый дом на старом рефлексе.

— Свет здесь вторичен, — сказала Ника. — Хотя завтра сделай профиль менее гладким, система всё равно найдёт, за что полюбить первый ответ.

— Потому что ей нужен не свет, — сказал Прохоров. — Ей нужно быстрее закрыть неопределённость. Ранний пакет с корректной картинкой — лучший наркотик для такого стека.

Бах поднялся.

— Формулировка для протокола. Обнаружено встроенное преимущество первого гладкого пакета на уровне базовой логики старшинства.

— И на уровне, который удобно потом «слегка оптимизировать» сервисом, — добавил Тимур.

Ветрова смотрела на экран, где журнал аккуратно держал старшинство за А, словно иначе и быть не могло. Прохоров знал это чувство: формула выглядит красивой, сходится быстро, хорошо продаётся управлению — и поэтому её надо ломать первой.

— Выведите последний лог на боковую панель, — сказала Ветрова.

Слева был ранний А, справа — поздний, но доказанный Б. Между ними в компактной форме уже читалась вся архитектура — с её неверно расставленным приоритетом.

— Всё, — сказала Ветрова. — Дальше это не НИОКР.

— И раньше уже не было, — сказал Тимур.

— Теперь это надо формализовать, — ответила она.

Экран погас. В его чёрной поверхности отражались люди и белые полосы потолочного света. Прохоров подумал, что опаснее всего здесь не баг и не чужая правка в прошивке. Опаснее было то, как естественно система отдавала приоритет первому ровному пакету.

После второго прогона Ветрова собрала ключевых специалистов и закрыла внешний контур.

Малый кабинет рядом со стендом раньше использовали для разборов по отказам. Узкий стол, четыре кресла, встроенный экран, терминал с отключаемым внешним контуром, шкаф для пломб и сервисных пеналов, гермобокс для носителей. Здесь решения не обсуждались — здесь им задавали режим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.